

Говорят, мыслить мы начали уже клипами — вот до чего довёл Интернет как чудо научно-технического прогресса! Пришлось учитывать эту нынешнюю особенность, которая нашла отражение и в моих литературоведческих записях. Они, как сказано, короткие и разные.

Три карты

(О литературной пользе долга)

Долги у Александра Пушкина были в основном карточные. Это та самая страстишка, которую он, я думаю, так и не преодолел до конца своих дней.

Зато Пушкин хорошо узнал предмет, и у Поэта появилась его «Пиковая дама»!

Пушкин и Третье отделение

(О вреде некоторых миграций)

Все, конечно, знают эту строчку Поэта: «Деревья в зимнем серебре» (роман в стихах «Евгений Онегин»). При любви к морозам Пушкину в Сибири наверняка бы понравилось, но он сюда не очень-то просился, чтобы совсем плохо о нём не подумали. А вот для путешествия в Поднебесную, по некоторым сведениям, прошение подавал.

Говорят, сам Александр Христофорович Бенкендорф воспротивился, и бумага до высочайшего имени так и не дошла. Берегли поэтов в Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии: дома ведь как-то спокойнее, чем за границей...

Смута научила...

(О состоявшейся эволюции литератора)

Пушкин начинал с либералов, а после драматического произведения на тему русской смуты («Борис Годунов»), созданного Поэтом в 1825 году, сформировался как убеждённый монархист. «Его пример — другим наука!»

Всем по метле!

(О наведении в России элементарного порядка)

Очень, как помню, ценное наставление Николая Гоголя своим современникам: пусть каждый берёт в руки по метле и метёт свою улицу («Выбранные места из переписки с друзьями»). Эх, знать бы ещё, «где эта улица, где этот дом»!..

Коррупционная «птичка»

(Об одном прочтении поэмы «Мёртвые души»)

Хорошо ли мы понимаем Гоголя? Если ответ утвердительный, как в таком случае будем расшифровывать словесный образ второго плана, который при характеристике губернского города NN стремительно вылетает из уст незабвенного Михаила Семёновича Собакевича: «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет»?

А ведь это же ещё одна «птица-тройка», параллельная, состоящая из казнокрадов и мздоимцев. Не находите? Она тоже куда-то движется — и, наверное, в наше с вами грядущее. Дуемате, зря она получила ускорение от самого основательного персонажа поэмы, прижимистого человека-медведя? Да что бы обозначить своё законное место!

И что с этой маленькой коррупционной «птичкой» делать-то будем, когда она уже претендует на первостепенность?

В круге первом

(О том, как трудно спорить с французом)

Из романа-эпопеи «Отверженные» Виктора Гюго: «Нищета ведёт к революции, революция — к нищете».

На каком же витке Истории мы сможем разорвать этот замкнутый круг? По-моему, Россия всё так же топчется «в круге первом».

Барабанная шкура

(О классическом совете детишкам)

«Не слушался отца и матери — послушайся теперь барабанной шкуры», — прекрасное средство воспитания на жизненном примере Фёдора Михайловича Достоевского.

Правда, придётся ещё и объяснять нынешним отрокам и отроковицам, что есть «барабанная шкура» и как она соотносится с хрестоматийными «Записками из Мёртвого дома». И что такое «Мёртвый дом» вообще...

Яблочко, куда катишься?

(О слогане Владимира Даля)

«Катилось яблочко вокруг огорода, кто его поднял, тот воевода, тот воеводе воеводский сын: шишел-вышел, вон пошёл!» («Толковый словарь живого великорусского языка»).

Эта забавная детская считалочка при достижении гражданином или гражданочкой совершеннолетия может быть использована на избирательных участках в единый день голосования.

Кража без срока давности

(Об одном афоризме великого полководца)

Думал, что почти всё знаю о Суворове с детства, в том числе о его непростых отношениях с женой Варварой Ивановной, подарившей ему двух деток: дочку и сына. А всё же у писателя Арсения Замостьянова столкнулся с высказыванием полководца о прекрасных половинках рода человеческого и оторопел: «Они украли у нас рай!» (документальная проза «Гений войны Суворов»).

Пожалуй, это единственная кража, которая не имеет срока давности. Если, конечно, её когда-нибудь квалифицируют. А ведь придётся, ибо опять воруют...

Печать «деревенщика»

(О метком замечании Героя Соцтруда)

Приверженцы «эры светлых годов» обычно только Виктора Астафьева в антисоветских выпадах упрекали, а равновеликого Евгения Носова как-то не трогали. Впрочем, «курский соловей» особых поводов не давал, по мелочи не высказывался, себя осаживал...

А при вручении ему Солженицынской литературной премии в ответном слове точно припечатал: «ГУЛАГ останется как татуировка на теле России навсегда».

Спасибо философу Владимиру Бибахину: открыл нам писателя-фронтовика с новой стороны (сборник статей и выступлений «Другое начало»). Но при всём расхождении во взглядах оба «деревенщика» — и Астафьев, и Носов — зрели в корень, как и положено литераторам, которые никогда не делали попытки, чтобы отделить себя от народа.

Блогерам на цитату

(О том, чья у нас теперь диктатура)

Если дело и дальше так пойдёт, в таком же духе, то писателя Юрия Полякова, подобно Ремарку, социальные сети растащат на цитаты и афоризмы: «Советская власть была диктатурой пролетариата, а нынешняя — диктатура секьюрити» (роман «Любовь в эпоху перемен»).

Эх, язык мой — враг мой, но это уже, знамо дело, не писатель Поляков.

Анна и параллели

(О перемещениях в пространстве и времени)

А не замахнуть ли нам на Викторá нашего, понимаете ли, на Пелевина? Ведь замахнулся же он на графа из Ясной Поляны...

И что ни взмах, то амбиция. Как сказано в кратчайшей аннотации к постмодернистскому роману «Т», Виктор

Пелевин — это тот самый писатель, «в эпоху которого служили народу Брежнев, Горбачёв, Путин».

Я уже начал карандашные выписки, какие обычно делаю при чтении: «Если „Анну Каренину“ и „Войну и мир“ до сих пор читают, это для того, чтобы выяснить, как состоятельные господа жили в России, когда Рублёвки ещё не было» (из романа «Т»).

Интересно, сами-то рублёвцы до Толстого с Пелевиным добрались?

Метафизический реализм и его отец

(О плохой книге одной фразой)

Имел несчастье взять в руки креативный, так сказать, роман Юрия Мамлеева «Шатуны», и если бы писатель олицетворял собой современную русскую литературу, то первое, что я бы непременно подумал: с его приходом она, бедная, «сдулась», «слиняла» вместе с так называемым «метафизическим реализмом», на горе читателям созданным им.

Без отказа и муки

(О наших членах)

Читатель! На типичный вопрос о своём здоровье ответь: «Все члены работают без отказа и без муки».

Так нас учит без пяти минут классик Захар Прилепин в своей объёмной «Обители».

Ночь и нос

(Об одном намёке на Гоголя)

«Далеко, на востоке, густая ночь уже начинала разбавляться — как медленно прочищается заложенный нос, когда перевернёшься на другой бок», — такая вот экспрессивная строчка из второй главы, и хоть какой-то позитив я почерпнул из Дмитрия Быкова, из его неполиткорректной, так сказать, поэмы «ЖД» (расшифровка автора как «Живые души» и намёк на Гоголя).

А на большее меня не хватило, ибо «большее» — это сплошная депрессия в стиле постмодерна. Современная отечественная литература, состояние которой, как и самого общества,

удручающее, вынуждает даже читателя, подготовленного ко всему, в безнадёге закрывать книгу и более не приближаться к ней.

Секрет Валаама

(О перспективе близкой и дальней)

В путевом очерке Ивана Шмелёва «Старый Валаам» (1935) монастырский послушник открывает автору особый секрет обители: «Все у нас прозорливцы: знаем, что завтра будет».

Если и мы станем чисты душой и помыслами, так, глядишь, близкую и дальнюю перспективу страны разглядим. А то ведь живём, слепцы, в полном неведении, куда рыночные поводыри нас ведут...

Сто лет ожидания

(Об одном гениальном предвидении)

Этой короткой записи, которую Александр Блок сделал в дневнике 22 апреля 1917 года, скоро исполнится ровно сто лет, но она по-прежнему является для нас животрепещущей: «Всё будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожждаться».